

В среду, 25 апреля, в библиотеке-фонде "Русское зарубежье" вручается литературная премия Александра Солженицына. На этот раз наградой отмечено творчество прозаиков Константина Воробьева (посмертно) и Евгения Носова, "чьи произведения полновесно и правдиво явили трагичное начало Великой войны, ее ход, ее последствия для русской деревни и позднюю горечь пренебрежения ветеранов".

ПРИЗНАНИЕ

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Константин ВОРОБЬЕВ: "Хотелось стать у любимой покорником"

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

ГЕННАДИЙ ЧЕРКАСОВ

Премия Солженицына Константину Воробьеву — награда невероятная, невысказанная: писатель 26 лет лежит в земле. Его произведения "Убиты под Москвой", "Это мы, Господи!", "...И всему роду моему" изданы давно и, по словам Евгения Носова, вместили в себя судьбу. Я поговорила с дочерью писателя — **Натальей Константиновной Воробьевой**. Она переводчица, литератор, работает в Министерстве культуры РФ.

— Отец родился в российской глубинке, в селе Нижний Реутец Курской губернии. Я бывала там. Степь, простор, огромное небо с первых дней окружали деревенского мальчика. Тихий хуторок, гречишный дух, соловьи по весне. Все яркое, сочное, красивое. Земля — шелковистая, черная, как воронье крыло. Отец знал назубок и птиц, и растения.

— **А кто был его отец?**
— Удивительно, но Константин Дмитриевич не знал своего отца. Воробьев — не его фамилия. Необыкновенно красивая мать Марина по природе своей была любвеобильной. Пока муж Марины был на германском фронте, в 1919 году на свет появился Костя. Дмитрий Матвеевич Воробьев вернулся с войны, простил грешницу, записал мальчика на свою фамилию и дал свое отчество.

— **А вы что-то знаете о его настоящем отце?**
— Марина не посвятила никого в свою тайну. Папины родственники называли двух возможных отцов. У них на постое стоял австриец, интересный, породистый. Он мог стать отцом мальчика. Мои тетуски называли еще одного возможного батюшку — на горке жил богатый человек по фамилии Письменов. Марина ходила туда заниматься уборкой. И вновь случился роман.

Константин Воробьев в 15 лет уехал в Москву, стал курсантом Кремлевского училища... Когда немцы приблизились к Москве, курсантов отправили под пули. В первом же бою Костя попал в плен, был отправлен в латышский концлагерь Саласпилс. Костя оттуда бежал, но был пойман и отправлен в Каунасский концлагерь, суровее первого, а он и оттуда бежал, и вновь неудачно. За этот побег Костю бросили в страшный концлагерь в Шяуляе. И тем не менее сильный русский парень 24 сентября, в собственный день рождения, в третий раз бежал. Удача улыбнулась ему — успел скрыться в лесу. И вскоре нашел свою единственную...

— **Наталья Константиновна, вы внешне — истинная прибалтка. На ком женился Костя?**

— На Вере Дзенис. Тут такая история. Моя бабушка, мамина мама, была замужем за латышом Яном Дзенисом, жили они в Шяуляе. По характеру она была сердобольной и очень открытой. Когда Костя бежал из плена, он встретился с бабушкой, и она зазвала беглеца к себе на чердак. Тут и начался роман с моей будущей мамой Верой: молодые люди ушли в лес создавать партизанский отряд... Потом они поженились, родилась я, а через 10 лет — Сережа.

Незадолго до смерти Константин Воробьев после онкологической операции в Москве наконец получил разрешение на переезд в Москву, где жили его старший сын Володя и сестры.

— Он собирался купить домик в Барыбине. Папа еле ходил с палочкой, исхудал, болезнь измучила его. Но, чтоб поселиться в домике, отец должен был вступить в совхоз. Напрасно мама соглашалась стать там учительницей, это не помогло. Совхозное начальство тянуло, забалтывало ответ в течение года, пока папа не умер. 20 лет он пролежал в литовской земле, и лишь незадолго до своей кончины моя мама все-таки выполнила папино желание — и перезахоронила прах на мемориальном Курском кладбище, где теперь в его могиле похоронена сама.

— **Кто из московских литераторов не остался равнодушным к творчеству Константина Воробьева?**

— Журналист и литератор Юрий Владимирович Томашевский. Он первым стал писать об отце, показывал людям его книги. Томашевский, как библейский пророк, мудро выводил нашу семью из тяжелейших и даже постыдных ситуаций. Болезнь папы протекала очень тяжело. Юрий Владимирович отыскал в Москве новое лекарство и постоянно возил его в Литву. Думаю, вся запрещенная литература, в том числе и Солженицын, шла к отцу от Томашевского. Он заменил мне отца. Сейчас я понимаю, что при жизни Томашевского не успела сказать ему хорошие слова благодарности.

— **Мой приход в литературу и в журналистику тоже благословил Юра Томашевский. Обаятельная, светлая личность. Он, конечно, понимал одиночество Константина Дмитриевича.**

— Да, отец был очень одинок. Я не раз видела его слезы — он плакал от безвестности, от тоски, отрешенности от желанного общения с писателями. Он задыхался в провинции.

— **Каким он был среди людей и дома?**
— По натуре он был громкоголосый, заводной. В молодости устраивал семейные "маскарады" — переоденутся в кричащие одежды и начинают импровизи-

ровать всякие сюжеты. Иногда за подобные дурачества на улице попадал в милицию. Я помню его в длинном темно-синем пальто, очень он был представительный. Как-то зимой вышел пройтись, а вернувшись: отдал пальто нищему алкашу. Мы долгое время жили в коммуналке, на кухне выстраивались у своих столов хозяйки четырех семейств. Всех раздражало, что Константин Дмитриевич вечно притаскивал в квартиру то подбитую птицу, то еще какую-нибудь живность, которую предстояло вылечить. Мы с Сержей любили, когда отец готовил сам, например, карасей в сметане. Пальчики оближешь. Он вообще страдал лучше мамы. На свою любимую рыбалку отправлялся в полном походном снаряжении и тащил все на себе. А уж какую он тройную уху на берегу готовил!

Лет до пятнадцати я была окружена вниманием отца: коньки, велосипед, красивые платья — он заботился, чтобы его дочь выглядела достойно. Я, в свою очередь, ревновала его ко всем. Естественно, желала ему известности, славы, какой-то иной, красивой жизни. Меня мучила, задевала его обиденность. Я страшно переживала последний отцовский роман — его влюбленность в Эсю Каварскую. Тяжело были эти метания отца между семьей и Эстер. Отец постарался меня успокоить — пообещал никогда не бросать семью. Терзался, но слово свое сдержал.

Об этой своей драме и о любви он написал повесть "Вот пришел великан". И открылся мир незащищенного, талантливой романтика. Герой повести — личность одаренная, совестливая. Умудренный жизненным опытом, он старается защитить неожиданно свалившееся на него чувство.

— Дар любви был в характере отца и Марины. Господь и меня им не обделил.

— **Скажите, Наталья Константиновна, жива ли эта женщина, послужившая прототипом Ирены?**

— Недавно Эстер Каварская умерла. Эся была сестрой очень известного хирурга Бориса Эфроса, с которым папа дружил. Вместе с Эсей они работали в газете "Советская Литва". Там-то все и случилось.

Воробьев на примере своего героя, писателя Кержуна, исследовал источники духовной независимости.

— **Отец замечал вашу одаренность?**

— Он чувствовал мой дар к слову. Считал, что я должна писать. Но я не понуждала себя к сочинительству — мне важнее было сделать себя, найти собственную судьбу, создать семью.

— **Старший сын Константина Дмитриевича Володя — плод первой любви или дитя случая?**

— Когда Костя был курсантом Кремлевского училища, то позволил себе тайную связь с 40-летней поварихой. Родился Володя. У него и фамилия Воробьев, и отчество Константинович. Отец был благородным человеком и заботливым отцом. Совсем недавно я выбросила уйму квитанций на переводы сыну. Папа был страшно опутан бытом. На нем всегда висел долг перед людьми, обязательства перед ними. Честь была для Константина Дмитриевича превыше всего.

— Когда мне сообщили, что Александр Исаевич посмертно наградили моего отца премией, я приняла это за шутку. У меня есть какие-то амбиции в отношении отца; как говорят, его пепел стучит в мое сердце. Я все еще обижена на родину отца, которая не дала ему приюта при жизни. Его не приняла псковская писательская организация, новгородская. Литовская земля к отцу была куда добрее: его издавали и при этом не очень резали. И, конечно, в Литве сохранялось ощущение воли. В России его могли забрать как побывавшего в плену.

У Константина Воробьева я нашла ключевые строки, объясняющие его душевное состояние: "Во мне все больше росла тоска и обида". Воистину Господь заставлял страдать тех, кого он избрал, кого любит. Солженицын, прошедший путь тяжких страданий, ныне воздаст должное достойным. У Натальи Константиновны — новое неутошенное горе. Ровно полгода назад трагично погибла ее дочь Марина, внучка Константина Дмитриевича.

— Марина была невероятной красоты. Мы с мужем шутили: "Этот ребенок прислан нам из Галактики". Уй многое было дано. Она поступила в ГИТИС и стала интересной художницей. Марина очень любила изображать на картинах окна, даже фотографировалась на фоне окна. Эти окна для нее стали бездной... 18 октября прошлого года Марина выпала (или бросилась?) с 17-го этажа. (Сквозь слезы.) Мне еще надо справиться с этим горем.

Константин Дмитриевич часто писал Виктору Астафьеву, благодарил "за ласку", жаловался, что отвык от человеческого слова — "потому, как рык и брань сплошь... сердце-то незащищенное!" Виктор Астафьев называл Константина Воробьева большим русским писателем, отмечал точность его стиля, "удивительно тонкое проникновение в святая святых, душу человека" и говорил, что его повести должны стоять на одной полке с русской классикой. Александр Солженицын своей премией вводит Константина Воробьева в большую литературу.

Наталья ДАРДЫКИНА.